

— Она твоя родная сестра!

Услышав его спокойный голос, госпожа Цзюнь пришла в ярость, встала и быстрыми шагами подошла к нему, резко откинула занавески и уставилась на него, словно хотела проглотить его. Увидев, что на лице Гу Чжису нет ничего, кроме спокойствия, в её глазах мелькнула ненависть, и она схватила его за плечи с силой, способной вывихнуть их, злобно прошипела:

— Как ты мог быть таким жестоким! Ты взял одежду больного краснухой и использовал её, чтобы навредить своей сестре! Ты знаешь, что после краснухи на лице твоей сестры останутся следы, и она может умереть! Даже если сейчас её жизни ничего не угрожает, в будущем, когда на её лице появятся следы от сыпи, как она, такая нежная девушка, сможет выйти замуж!

— В этом, тётя, вы ошибаетесь.

Гу Чжису, слушая эти ледяные слова, в которых не было и намёка на попытку понять его, а лишь сплошные упрёки, перевёл взгляд на искажённое лицо госпожи Цзюнь. Ему показалось, что в этом выражении он видит другое, точно такое же лицо — лицо, скрытое в дыму, с неясным выражением и эмоциями. Лицо, которое могло бы спасти его от падения всего парой слов, но вместо этого он слышал лишь равнодушный голос, полный неприязни.

«Проваливай! У меня нет такого сына! Я больше не признаю тебя!»

— Я не хотел вредить своей сестре, я лишь последовал вашему совету и решил найти способ, который раз и навсегда предотвратит уход сестры к матери. Вот и пришёл к такому решению.

В его сознании снова всплыли языки пламени, и улыбка Гу Чжису стала немного призрачной. Глядя на лицо перед собой, он вдруг понял, что больше не хочет терпеть, и тихо произнёс:

Госпожа Цзюнь не ожидала, что он осмелится пойти против неё. С детства она замечала, что Гу Чжису был мягким и робким, питал к ней сыновнюю любовь и никогда не перечил. Иногда он даже брал на себя её вину, поэтому она испытывала к нему некоторую жалость. Но по сравнению с её драгоценной дочерью этот сын не стоил ничего — поэтому, впервые столкнувшись с таким неповиновением, госпожа Цзюнь стала ещё холоднее, подняла руку и указала на его лицо, строго сказав:

— Гу Чжису, ты...

— Неужели вы до сих пор уверены, что мать заберёт сестру?

Гу Чжису, увидев, что в её глазах больше не скрывается гнев, почувствовал в сердце скрытую боль, но в то же время облегчение. Не обращая внимания на её тонкий палец, указывающий на него, он медленно улыбнулся:

— Это уже невозможно. Болезнь сестры, даже если мать знает, что она не заразна, не даст ей достаточно смелости, чтобы позволить сестре приблизиться к ней, ведь сейчас она беременна и в будущем будет воспитывать нового законного сына! И следы от сыпи на лице сестры, я думаю, тоже порадуют вас, ведь только если она будет некрасивой, отец откажется от мысли отправить её во дворец, в число многочисленных наложниц императора!

Слова Гу Чжису заставили госпожу Цзюнь буквально посинеть от ярости. Она прекрасно понимала, что действия Гу Чжису действительно были вызваны её просьбой — она умоляла его найти способ, чтобы Гу Чжицин не досталась госпоже Синь и не попала во дворец. Но как она могла подумать, что для достижения этого придётся заплатить такую высокую цену!

— Ты просто изворачиваешься!

Гу Чжису совершенно не обращал внимания на её сложные чувства, его улыбка становилась всё острее и холоднее. Его глубокие, тёмные глаза встретились с её взглядом, и он медленно произнёс:

— Это вы сказали мне, что хотите способ, который раз и навсегда решит проблему. Я просто дал вам то, что вы просили.

— Ты... ты негодяй!

Госпожа Цзюнь, наконец, потеряла самообладание от его спокойного тона. Её драгоценная дочь, которую она так любила, всё ещё спала в комнате, а тот, кто стал причиной её болезни, стоял перед ней с видом полного безразличия. Даже если этот человек был её сыном, она больше не могла терпеть:

— На колени! На колени!

Гу Чжису, услышав её взбешённый крик, долго смотрел на неё, но не стал сопротивляться. Медленно опустился на колени, и последний луч света в его глазах окончательно погас.

Наклонив голову и опустив глаза, Гу Чжису на мгновение искажил лицо, но вскоре оно стало совершенно спокойным.

Он не знал, что сказал врач о сыпи на лице Гу Чжицзин, но в прошлой жизни он сам болел краснухой, как раз в этот год, в эти зимние дни после сильного снегопада.

Тогда он, упав в воду, был заперт в Дворе Жунли и совершенно неожиданно заразился краснухой. Лишь спустя долгое время он понял, что госпожа Синь специально привезла из-за пределов Минду одежду больного краснухой и заставила его надеть её, чтобы он заразился.

Краснуха не так легко передаётся, и обычная одежда больного не может вызвать заболевание. Только если одежда пропитана слюной больного, есть шанс заразиться.

Тогда у него по всему телу появилась сыпь, но госпожа Цзюнь лишь несколько раз заглядывала во двор, даже не заходя в комнату, и, сказав, что нужно присмотреть за Гу Чжицзин, поспешно ушла из Двора Жунли.

Вплоть до выздоровления Гу Чжису так и не увидел её снова. Госпожа Синь, чтобы показать свою заботу о сыне от наложницы, пригласила врача, который сказал, что краснуха, кроме того, что нельзя простужаться и нельзя расчёсывать сыпь, пройдёт сама собой через некоторое время. Он подумал, что госпожа Цзюнь знала об этом и потому не беспокоилась о нём.

Теперь стало ясно, что госпожа Цзюнь не беспокоилась о его болезни, потому что среди тех, о ком она действительно волновалась, с самого начала не было Гу Чжису — когда он болел краснухой, его тело не было таким сильным, как сейчас, он не обладал никакими боевыми навыками, последствия падения в воду ещё не прошли, и он страдал от сыпи и лихорадки. Госпожа Цзюнь, как его родная мать, даже не подумала ухаживать за ним так же тщательно, как за Гу Чжицзин.

В прошлой жизни он был таким мягким и добрым, никогда не сомневался в материнской любви госпожи Цзюнь. Даже когда госпожа Синь сообщила ей, что он станет наложницей и отправится во дворец, она всё же защищала Гу Чжицзин, как женщину, и не препятствовала

его страданиям во дворце. Тогда он тоже очень любил свою сестру и не хотел, чтобы она страдала как наложница, поэтому покорно вошёл во дворец.

Но что в итоге? Когда он, попав во дворец во второй раз, стал фаворитом, Гу Хайтан, будучи императрицей, пришла в ярость. Госпожа Синь, любящая свою дочь, тоже разозлилась и использовала свои связи, чтобы навредить Гу Чжицзин, заставив её упасть со скалы накануне свадьбы. Госпожа Цзюнь, вскоре после смерти Гу Чжицзин, построила в Дворе Мяюэ молельню, заперлась в ней и больше не хотела видеть его.

Он тогда подумал, что госпожа Цзюнь была слишком опечалена смертью Гу Чжицзин и не хотела видеть его какое-то время. Но он никак не мог подумать, что госпожа Цзюнь не испытывала к нему ни капли жалости!

Загадка, мучившая его в прошлой жизни, наконец, стала ясна после того, как он испытал ту же болезнь в этой жизни — в главной комнате Двора Мяюэ стояли двое: один стоял, другой стоял на коленях. Тот, кто стоял, был полон ненависти, а тот, кто стоял на коленях, был совершенно спокоен. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем юноша в белой одежде вдруг поднял голову и тихо сказал:

— Тётя, если вы сейчас пожалеете, будет уже слишком поздно.

Гу Чжису поднял голову и произнёс это, в его глазах мелькнула тёмная тень. Даже стоя на коленях на холодном каменном полу, ощущая, как холод медленно проникает в кончики пальцев, его улыбка не исчезла, и, снова заговорив, он произнёс слова, острые как лезвие.

<http://bllate.org/book/16652/1526045>